

Стоянова Г.Н.

к.и.н., доцент кафедри археології та етнології України
ОНУ імені І.І. Мечникова

ГЕНДЕРНЫЕ РОЛИ КАК ОТРАЖЕНИЕ АРХЕТИПОВ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ В КОНТЕКСТЕ ОБРЯДОВ ЖИЗНЕННОГО ЦИКЛА

Аннотация. В статье на конкретном материале — обрядах жизненного цикла (а именно родильном и похоронном) прослеживается специфика полоролевых установок в обрядовой практике болгар Южной Бессарабии. Это позволило не только еще раз подчеркнуть то, что мужчина и женщина выполняют различные роли в обрядах. Именно сохранение этой разности позволяет выявить изначальные установки культуры, обеспечивает ее целостность, сохранность и адаптацию к современным условиям.

Ключевые слова: гендерные роли, архетип, родильный цикл обрядов, похоронный ритуал, мужчина, женщина, бессарабские болгары.

Понятие «гендерных ролей» в последнее время все чаще попадает в предметное поле исследований большинства социальных и гуманитарных наук. *Гендерные роли* являются порождением культуры, и, следовательно, отображают ее специфику. Однако не только культура, но и исторические условия влияют на формирование гендерных установок и стереотипов в том или ином обществе. И.С. Кон отметил, что традиционная система дифференциации половых ролей и связанных с ними стереотипов фемининности-маскулинности отличалась резкостью и полярностью отличий в мужских и женских видах деятельности; эти различия освящались религией и представлялись нерушимыми; женские и мужские функции были не просто взаимодополняющими, но и иерархическими, женщине отводилась зависимая, подчиненная роль [1, 50-51].

В современной же культуре происходят радикальные изменения в отношении гендерных ролей, вместе с условиями их бытования меняется и их семантическая нагрузка. В социально-бытовой сфере наблюдается процесс подмены гендерных ролей (один из ярких примеров — проникновение женщин в мужскую профессиональную среду и наоборот). В ритуальной же сфере гендерные роли перестают быть выражением социальных норм, бытующих в данный момент, являясь отражением архетипов, сложившихся в рамках той или иной национальной культуры. Понятие *архетипа*, предложенное К.Г. Юнгом, интересно тем, что в

нем выясняются исторически сложившиеся, влияющие структуры национального сознания, чувства, поведения. Таким образом, гендерные роли, отражая архетипные стереотипы, вместе с этим способствуют конструированию национальной памяти. В качестве примера рассмотрим болгар Южной Бессарабии, которым ввиду сложившихся исторических причин удалось определенным образом законсервировать традиционную культуру, принесенную ими с мест их прежнего пребывания, из метрополии. Далее мы проследим на конкретном материале — обрядах жизненного цикла (а именно родильном и похоронном) специфику полоролевых установок в обрядовой практике болгар Южной Бессарабии. Основываясь будем на полевом материале, собранном во время этнографических экспедиций в указанный регион в конце XX — начале XXI вв.

Для начала проследим *распределение ролей в родильном обряде*, а именно будем акцентировать внимание на приоритетах в отношении пола при выполнении ритуальных функций.

Для начала следует отметить, что ребенок, как основной объект родильной обрядности, не является совсем бесполом. Идентификация пола происходит еще с момента появления на свет новорожденного через определенные ритуальные действия. Постепенно младенец начинает привыкать к своей половой роли. По общеславянскому поверью, обычно предпочитали появление ребенка мужского пола, нежели женского. Возможно, этот факт объясняет некоторым образом то, что еще до рождения пытались определить пол будущего ребенка. Болгары незаметно подходили к беременной женщине и сыпали ей на голову соль, а затем наблюдали: если эта женщина потрет нос — родится мальчик, а если рот (с. Суворово Измаильского р-на) или подбородок (с. Черовоно-армейское Болградского р-на) — следует ждать девочку.

Традиционно, главной участницей обрядов, связанных с рождением ребенка, являлась бабаповитуха (болг. — *баба, бабка*). Это была пожилая женщина, которая пользовалась уважением в деревне. По народным представлениям, девушки и молодые женщины для этой роли не подходили.

Баба-повитуха — это лицо, которое, как правило, никем не выбиралась и нигде не фиксировалась.

Об особом отношении к повитухе среди односельчан свидетельствует зафиксированный у болгар обычай отмечать 21 января *Бабин ден*, как день бабки-повитухи [2]. В празднике принимали участие только женщины. Собирались вечером. К бабе-повитухе приходили те женщины, у которых она принимала роды, со своими родственницами. Сначала приходили женщины постарше, потом помоложе, которые готовили и накрывали на стол. В этот день она получала от женщин, в которых принимала роды, подарки (вино, мыло, материю и др.). Незамужних туда не пускали. Приносили бабе курицу, каравай, кусок мыла и подарки: косынку, фартук, деньги — кто, что мог, а она, в свою очередь, угощала своих гостей. *Бабу* в этот день катали на санках, потом было застолье.

В настоящее время праздник сохранился, однако он приобрел исключительно развлекательную форму. В этот день собираются только женщины по 5-6 человек на улице или у кого-то дома и договариваются, у кого в этом году соберутся, у кого — в следующем, приносят с собой по курице, готовят различные угощения. При этом разыгрывают своеобразное «представление»: одеваются в различные костюмы (цыганки, мужчины, невесты и т.д.), ходят по улицам и в местный бар. Если кто-то заходил из мужчин, его угощали, и он уходил домой, там было «бабье царство». В основном мужчины в этот день оставались дома, с детьми, им лучше не появляться, а то «могли и штаны снять» и в таком виде отпустить домой.

Если говорить о половом распределении ролей, то оно показывает, что большинство родильных обычаев и обрядов ограничивается кругом преимущественно женских связей. Мужчины, как исполнители обрядовых функций, выступают лишь во второй части родильного цикла (отец, крестный в крестильных обрядах, пострижении, имянаречении).

Через некоторое время после родов (на 2-й, 3-й день) *леусу* (роженицу) проводывали и делали это только замужние женщины (родные, близкие, соседки). Собирались для того, чтобы отпраздновать рождение ребенка. Они приносили с собой *ляп* (хлеб), пеленки, подарки ребенку, монетки. Этот традиционный обычай получил название *малка пита* либо *пита*, *питка*. Название, видимо, непосредственно связано с обычаем раздавать всем присутствующим в этот день в доме *леусы* специально испеченные к этому дню *питки* (коржики), которые при этом могли еще смазывать медом. Кроме этого, для того, чтобы у ребенка были ямочки на щечках, в питах делали небольшие углубления, а затем слегка надавливали на щеки

малыша. Кроме питок, обязательных блюд к этому дню не существовало. Единственное условие — в пост готовили только постную пищу. Перед праздничной трапезой *баба* окуривала дом, еду на столе, а также молодую мать с новорожденным. Объяснялось это заботой о здоровье роженицы и ребенка. Именно в этот день повитухе давали деньги — плату за принятые роды.

У бессарабских болгар зафиксировано еще одно название этого дня, о котором хотелось бы сказать отдельно, а именно — *буганик* (с. Суворово Измаильского р-на). Н.С. Державин зафиксировал, что на *буганик* (обед на полу) от имени родильницы приглашали родственников две девушки 15-16 лет, одетые обязательно в платье роженицы [3, 113]. Все, кто приходил на *буганик*, должны были на протяжении 40 дней принести обед к родильнице (*понуду*: каравай, 1-2 кушанья). Считалось, что если кто-нибудь из женщин этого не сделает, то либо она сама, либо кто-то из ее близких после рождения ребенка не будут иметь молока.

В качестве локальной традиции зафиксирован обычай собираться через неделю после родов на *топл ляп* (теплый хлеб) (с. Суворово Измаильского р-на). Название *топл ляп*, видимо, связано с обычаем в этот день печь высокий хлеб, чтобы ребенок хорошо рос. Приходили в этот день также только женщины. Свекровь *леусы* приглашала будущую крестную мать малыша с графином вина, караваем, целой вареной курицей. До этого крестная на родильных праздниках не присутствовала. Когда все расходились, свекровь роженицы резала хлеб и раздавала все присутствующим по кусочку. 1-й срезанный кусочек клали на печку, чтобы ребенок был высоким. Бабе давали деньги, чтобы ребенок был счастливым. На *топл ляп* баба-повитуха купала *леусу*, растирала ее.

Через некоторое время после *малка пита* (через 10-20 дней или позже) устраивалась *гуляма пита*, которая иногда совпадала с днем крестин. В этот день приходили тоже лишь женщины, но уже большее количество и не только родня. Они приносили с собой *питу* (круглый хлеб), которую дарили матери, *ракию* (водку), курицу, подарки для ребенка. Больше всех подарков приносила будущая крестная ребенка. *Леуса* дарит в этот день повитухе миску с мукой. После церемонии дарования все приступали к трапезе.

Неудивительным является и тот факт, что, согласно народным верованиям, — демоны судьбы, предрекающие судьбу новорожденного ребенка, были тоже женщины. Вера в *урисниц*/*орисниц* является характерной для болгарской культурной традиции. В мифологии южных славян так именуются вещие жены, нарекающие судьбу

младенца. Согласно традиционным представлениям, именно в их руках находилась судьба ребенка, отсюда и встречающиеся на Балканах названия этих демонов — *судженицы, наречницы* [4, 261]. На третий день после рождения ребенка они являются во сне либо матери ребенка, либо кому-либо из женщин-родственниц и предрекают будущее новорожденному, продолжительность его жизни либо обстоятельства смерти. Чтобы предсказание было положительным для ребенка, старались задобрить демонов судьбы, оставляя для них на ночь угощение на столе. Данная вера в *орисниц* является архаичной, и вместе с этим довольно устойчивой, так как бытует до сих пор, что подтверждается полевыми материалами этнографических экспедиций в болгарские села Южной Бессарабии. Кроме этого актуальной вера в *орисниц* остается и в болгарских селах Молдавии и на Балканах [5, 125].

До 40 дней после родов, согласно традиции, нужно было крестить ребенка и устроить по этому поводу праздничную трапезу. Мальчика по обычаю крестили на 40-й день, а девочку могли и на 30-й или 35-й день после рождения.

Крестины были одним из важных этапов социализации ребенка. Крещение происходило с обязательным присутствием крестных родителей, к которым относились с большим уважением. Они становятся «вторыми родителями» для ребенка. У болгар *кръсник* и *кръсница* (кум и кума) — семейная пара, которая получает статус *кръсников* еще на свадьбе (именно они держат венцы над молодыми в церкви) и крестят всех детей молодой пары.

Крестить ребенка в церковь шли *кръсники, баба*. После совершения обряда крещения ребенка заворачивали в специально приготовленный для этой отрез ткани — *миро*, из которого затем мать обязательно шила ребенку какую-то одежду, которую надо было носить до года.

В письменных источниках начала XX века зафиксирован обычай болгар после крестин ребенка в церкви, мальчика класть на плуг, а девочку на ткацкий станок [3, 107]. Эти обрядовые действия с одной стороны символизировали желание определить характер будущих занятий ребенка, с другой — это является своеобразным знаком половой идентификации рожденного ребенка, так как среди народа было распространено представление, что новорожденный не имеет пола. Этим возможно и обусловлен зафиксированный обычай, согласно которому на крестины *кръсники* приводили девочку или мальчика, в зависимости от пола того, кого крестили (с. Черовоноармейское Болградского р-на).

После церковного крещения родители устраивали праздничный обед по этому поводу (*кръштенка, кръштене*), на который кроме кумовьев приглашали родню, знакомых, соседей. На *кръштене* приходили с подарками и продуктами. Крестинное угощение также символизировала собой приобщение ребенка к семье и обществу.

Один из важных моментов послеродовых обрядов — первое пострижение — происходил в первую годовщину ребенка, что является знаком перехода младенца в новый возрастной период. У болгар в этот день устраивали *годинку*, на которую приглашали родственников, знакомых, но, в первую очередь, «просят куму» с вином и караваем, она стригла ребенка и дарила подарки либо же кум стриг мальчика, а кума — девочку. Волосы после пострижения прятали, хранили, или пускали по воде.

Как видим, основными распорядителями на церемониях и праздниках послеродового цикла являлись крестные, а затем уже свекровь роженицы.

Нужно обратить внимание на еще один момент в родильной обрядности — обычай имянаречения. Порядок в обычае имянаречения у бессарабских болгар отмечает исследовательница Л.А. Демиденко: первого мальчика называли обязательно в честь дедушки по линии отца, второго именем отца, первую девочку в честь бабушки, но по материнской линии, вторую дочь в честь бабушки по линии отца и только третью дочку называли именем матери [6, 79]. Результаты опроса в болгарских селах показывают следующий порядок имянаречения детей в семье: первого мальчика называли на имя дедушки (по родительской линии), первую девочку на имя бабушки (матери отца ребенка), других детей — в честь святых. Следует отметить, что, согласно полемому материалу, такой порядок в имянаречении со второй половины XX века не соблюдается строго. Устойчивым является представление, что если ребенка не назвать на имя того святого, в день которого он родился, можно накликать на новорожденного беду. Согласно народным представлениям, если ребенок родился в большой праздник, «он нашел сам свое имя». Встречается также обычай называть детей именами кума или кумы.

Таким образом, проанализировав обряды и обычаи, связанные с рождением ребенка, зафиксированные у бессарабских болгар, можно прийти к следующим выводам.

Во-первых, структура родильного цикла обрядов является достаточно устойчивой с сохранением основных структурных компонентов вплоть до настоящего времени (за исключением обычаев, связанных с повитухой, остальные обряды бытуют до сих пор). Мотивация основных обрядовых

дійствий основана на стремлении обеспечить благополучие ребенку и приобщить его к социуму. При этом семантическая нагрузка структурных компонентов постепенно возрастает от начала родильного обрядового цикла к моменту его завершения.

Во-вторых, достаточно разветвленная структура родильного обрядового цикла у бессарабских болгар, особенно послеродовой части еще раз подчеркивает доминантное значение материнства в системе традиционных стереотипов феминности, а также в структуре гендерных ролей.

Далее перейдем к анализу *похоронного ритуала* бессарабских болгар в гендерном контексте.

Для начала следует отметить тот факт, что в похоронном ритуале пол умершего является решающим в определении пола исполнителей основных обрядовых действий, начиная с подготовки покойника к погребению и заканчивая поминальными обрядами.

Первым действием, связанным с мертвецом, является его омовения. Мытье покойников — это одно из очищающих действий. По традиции, обмывали покойника представители того же пола, что и он сам. Существует мнение, что в основе этого обычая лежат сугубо моральные соображения, но можно предположить, что это является еще и определенным образом признаком пола умершего.

После всех необходимых приготовлений покойника клали на стол. В день похорон мертвеца перекладывали в гроб (*сѣндѣк*). В середину гроба сначала клали стружку или траву, потом застилали тканую дорожку, а сверху тканое покрывало. В голове клали тканый шерстяной коврик (*лъганѣ*), а также головной убор, мужчины могли положить расческу, а женщине — гребень (с. Червоноармейское Болградского р-на).

Основные действия в процессе движения похоронной процессии выполняли в основном женщины — одна несла *колево*, вторая — хлеб, третья — выстилала полотенце во время остановок процессии на перекрестках.

На кладбище придерживались особого порядка при бросании земли в могилу: сначала землю бросали мужчины, начиная со старшего сына покойного, а затем женщины, начиная с жены старшего сына, а потом все остальные. Каждый получал по кусочку хлеба, стакану вина и ложке *колева* (*кольва* — болг.).

Наиболее ярким примером сохранения половых различий в погребальном обряде является обычай ставить кресты двух видов: крестообразной и округлой формы (для мужчин и для женщин — разные), зафиксированный у болгар. Кресты с закругленными краями устанавливали на могилах женщин, они получили название *куклы* и

по форме напоминали схематический женский силуэт. Разнообразие типов куклы объясняется наличием нескольких мастеров в селе (с. Заря Саратовского р-на). Мужские надгробные памятники имели крестообразную форму. Такую разницу в установке надгробного памятника соответствии с полом похороненного респонденты объясняют так: «чтобы знать, кто похоронен» (*да знайм кой заровен*). Привлекает внимание и то, что такие же кресты ставили умершим некрещеным детям (с. Заря Саратовского р-на). Детские кресты и куклы отличались от взрослых меньшими размерами. Таким образом, кресты в любом случае (ребенок это или взрослый) характеризовали принадлежность к полу. Аналогия с временными надмогильными памятниками, зафиксированными в Бессарабии и на территории Болгарии [7, 129], которыми являются деревянные кресты и куклы, достаточно хорошо иллюстрирует сохранение в погребальной обрядности болгар, проживающих на Украине, традиционной основы, составленной на исторической родине.

Далее попробуем проследить, может ли социальный статус умершего влиять на ритуальное поведение в *поминальных обрядах* и каким образом это происходит.

Поминание души умершего тоже находилось в зависимости от пола и возраста умершего. По этому поводу на данной территории встречаем следующий обычай: после смерти этому человека еще в течение 3-х суток оставляли в доме угощение для души — стакан с водой или водкой, а сверху хлеб. На следующий день хлеб и водку отдавали кому-нибудь из соседей, который бы соответствовал возрасту и полу покойного. В случае если покойный был ребенком, то заупокойный ужин с ним должна была разделить только его мать. Так происходило три дня. Так же и на праздники или в воскресенье, когда что-нибудь раздавали на поминание души усопшего, то давали только тем, кто по возрасту и полу соответствовал умершему.

По поводу того, влияет ли пол умершего на поминальные обычаи, следует вспомнить обычай, когда на поминальный обед, кроме обычного, принято было печь особый хлеб, форма которого зависела от пола погребенного. Если умерла девушка или женщина, на поминках всем присутствующим раздавали калачи овальной формы, немного вытянутые, без отверстия посередине — *куклы* или *кукличата*, а если парень или мужчина — калачи круглой формы с отверстием, которые так и называют — *калачи*, *кравайчата*. (с. Суворово Измаильского р-на, с. Евгеновка Тарутинского р-на). Также зафиксировано обычай, согласно которому в случае смерти супругов пекли на поминальный обед 2 караваев (с. Евгеновка Тарутинского р-на).

Среди болгар метрополии тоже встречается обычай, когда определенная обрядовая пища зависела от пола умершего. По обычаю, на поминки после смерти женщины закалывали овцу, а после смерти мужчины — барана [8, 416].

Половозрастная классификация регулирует ритуальную форму жизнедеятельности человеческого общества. Таким образом, если ритуальные действия определяются в зависимости от социального положения умершего, то есть от его возраста, пола, так и ритуальная нагрузка в погребально — поминальном цикле должна зависеть от принадлежности человека, как исполнителя обрядов, к определенной возрастной или половой группе. Рассмотрим это на примере обычаев в отношении соблюдения траура по умершему родственнику.

Материалы, собранные в болгарских селах, свидетельствуют, если у девушки умирал отец, ей запрещалось на протяжении года выходить на улицу (речь идет о запрете посещать молодежные гуляния, которые устраивались у болгар в пределах одной улицы или квартала). Мужчины, в первую очередь парни, в течение сорока дней после смерти кого-то из семьи не посещают праздники, народные гуляния (болг. — *хоро*). Как видим, для девушек срок траура был длиннее и соблюдение его, обычно, было более суровым. По сведениям респондентов, молодежь традиционно соблюдала траур в течение года, на данный момент его придерживаются лишь сорок дней.

Ярче всего траур проявлялся в одежде женщин. На похороны женщины были одеты в одежду темного цвета. Согласно полевым материалам, обязательным элементом женской траурной одежды на рассматриваемой территории был черный платок. Болгарки в знак траура кончики кос оставляли распущенными. Такая прическа сохранялась от 40 дней до года. Обязательными атрибутами вдовы были: одежда темного цвета, которую носили целый год после смерти кого-то из семьи, а иногда до конца жизни — в случае смерти мужа или детей в юном возрасте и особый способ завязывания платка, когда концы не завязывались, а затыкались у виска в течение всей жизни (сс. Червоноармейское, Огородное Болградского р-на).

Как показывает собранный материал, на исследуемой территории для мужчин в соблюдении траура на начало XXI века сохранились менее строгие правила. Иногда мужчина надевал кепку черного цвета, носил еще и траурную ленточку на руке либо белую повязку в знак траура. Мужчина не брился 40 дней — это единственная форма траура во всех исследованных селах. Запрет бриться сорок дней для мужчин не был

суровым, старались соблюдать его на протяжении лишь 9-ти дней.

Относительно второго брака зафиксировано, что вдовец мог жениться во второй раз уже через 40 дней после смерти жены, хотя соблюдение данного срока не было строгим. Иные нормы регулировали второй брак вдовы. У болгар, например, вдова имеет право выйти замуж снова через год или через 5 — 6 лет после смерти своего мужа (с. Огородное Болградского р-на). Много вдов второй раз замуж вообще не выходили, «чтобы не осквернить имя мужа» (*да не испорти името на мъжа си*), как свидетельствуют сами информаторы (с. Червоноармейское Болградского р-на). Это объяснение можно считать отголоском обрядовой практики болгар метрополии. Скорее всего, в более ранней традиции сохранение статуса вдовы для женщины было нормативным. У болгар Пиринского края, например, зафиксировано, что когда вдова или вдовец решают снова вступить в брак, они должны просить прощения у покойника — преклоняются перед могилой, поливают ее и раздают платки [8, 417]. Согласно болгарскому поверью, когда умирала женщина, оставляя живого мужа, необходимо при ее погребении расстегнуть все пуговицы на одежде, чтобы таким образом символично получить разрешение на второй брак ее мужа.

Как видим, для женщин, в отличие от мужчин, нормы соблюдения траура являются более строгими. Это можно объяснить определенным стереотипом женского поведения, который формировался на протяжении всего периода развития человеческого общества. Однако есть и альтернативное объяснение значительной продолжительности траура у женщин, которое заключается в признании их слабой ритуальной защищенности, в отличие от мужчин. Также сохранение у женщин более строгих, нежели для мужчин норм соблюдения траура по умершему сородичу объясняется и ролью женщины в сохранении традиций, ее подчиненном положении в обществе.

Анализ обрядов жизненного цикла, а именно родильного и похоронного, с точки зрения полоролевых установок, на примере бессарабских болгар, не только еще раз позволил подчеркнуть то, что мужчина и женщина выполняют различные роли в обрядах. Но и то, что именно сохранение этой разности, позволяет проследить истоки и изначальные установки культуры, обеспечивает ее целостность, сохранность и адаптацию к современным условиям.

Литература

1. Кон И.С. Психология половых различий // Вопросы психологии. — 1981. — № 2. — С. 47-58.
2. Пригаріна Т.В. «Бабін ден» в календарній обрядовості болгар Південної Бессарабії // Матеріали IV Міжнародної археологічної конференції студентів та молодих вчених. — К., 1996. — С. 68-69.
3. Державин Н.С. Болгарские колонии в России / Н.С. Державин // СбНУ. — София, 1914. — кн. XXIX.
4. Кабакова Г.И. Младенец / Г.И. Кабакова, И.А. Седакова // Славянские древности. — Т. 3. — М., 2004. — С. 257-264.
5. Седакова И.А. Этнокультурный контекст болгарских фразеологизмов о судьбе и характере человека // Славянское и балканское языкознание. Проблемы лексикологии и семантики. Слово в контексте культуры. — М., 1999. — С. 123-135.
6. Демиденко Л.А. Культура и быт болгарского населения в УССР / Л.А. Демиденко. — К., 1970.
7. Вакарелски Х. Български погребални обичаи. Сравнително изучаване / Х. Вакарелски. — София, 1990.
8. Георгиева И. Обичаи при смърт и погребение // Пирински край. — София, 1980. — С. 411-422.

Стоянова Г.М. Гендерні ролі як віддзеркалення архетипів національної культури в контексті обрядів життєвого циклу. — Стаття.

Анотація. У статті на конкретному матеріалі — обрядах життєвого циклу (а саме родильному і поховальному) простежується специфіка статево-рольових установок в обрядовій практиці болгар Південної Бессарабії. Це дозволило не лише ще раз підкреслити те, що чоловік і жінка виконують різні ролі в обрядах. Саме збереження цієї різниці дозволяє виявити початкові установки культури, забезпечує її цілісність, збереження і адаптацію до сучасних умов.

Ключові слова: гендерні ролі, архетип, родильний цикл обрядів, поховальний ритуал, чоловік, жінка, бессарабські болгари.

Stoyanova G. Gender roles as a reflection of national culture archetypes in the context of life cycle rituals. — Article.

Summary. There are rites of the life cycle (maternity and funeral) observed sex-specificity installations in ritual practice Bulgarians Southern Bessarabia in the article. This allowed to stress once the husband and wife have different roles in the rituals. This difference reveals the culture settings to ensure its integrity, preservation and adaptation to modern conditions.

Keywords: gender roles, archetype, maternity cycle rituals, burial ritual, man, woman, Bessarabian Bulgarians.